

Андрей Игоревич Чернышёв (Артур Бульчинский) (1988 - 2012)

ALMA MATER

Все события являются вымышленными,
совпадение с реальными людьми случайно.

Посвящается всем, кто поступил, учился и вылетел из академии.

Пролог

Эта история началась много веков назад, когда люди ещё недалеко ушли от обезьян. И один недочеловек приложил подорожник к ране товарища. Тогда появилась медицина. Прошли века, год сменялся новым. Люди учили друг друга. Учили детей, дети учили внуков. С каждым годом человек расправлял плечи всё больше и больше. Он построил великие города. Появились первые университеты. Тогда же возникла совершенно особая каста студентов-медиков. Им готовились доверить человеческую жизнь, вручить скальпель и дать самое главное – свободу выбора. Будущих эскулапов всегда отличал напускной цинизм. С годами это проходит, старые умудренные опытом врачи циничны внутри, но стараются выглядеть сострадающими.

Судьба несёт нас туда, куда мы не знаем пути. Однажды в сентябре я стал студентом медицинской академии в городе, где две большие реки стекаются вместе. Гордый белым халатом я был счастлив. Много воды утекло с тех пор. Было ощущение ошибки, порой я чувствовал гордость за всё медицинское сословие. Возвращаясь сейчас к началу, я смотрю на многое совсем другими глазами. И я расскажу вам про первые полтора года студенческой жизни учащегося лечебного факультета, увиденной изнутри.

Глава I

За полгода до поступления

Месяц февраль, воеет вьюга, носит снег по асфальтовым улицам и площадям. Одиннадцатый класс, самое страшное событие в жизни каждого школьника – проверка дневников. Я взглянул внутрь и ужаснулся. Тройки

робко терялись во множестве двоек, отмазываться было поздно, классный руководитель позвонил родителям и сообщил радостную новость. Предчувствую очередное промывание мозгов, долгие и нудные разговоры, я сунул дневник отцу. Он ограничился небрежным взглядом и пробормотал:

– Да, да, да, вроде ничего.

Я был сражён и повержен на месте, не веря своим глазам, и ушам, не выслушавшим и слова упрёка. Я стоял и слушал рассказ своего папика:

– Был, я сегодня у Воровских. Ну, у ректора. Сразу узнал, хоть двадцать восемь лет прошло. Да мы особо не пересекались. Он предложил оказать материальную помощь. Начали с пятидесяти тысяч, сошлись на двух тоннах бензина. Завтра надо будет купить талоны, через неделю к нему пойду отдавать. Говорят гарантия стопроцентная, хотя кто его знает, бережённого бог бережёт.

Тогда ветряным февралём я понял всё. Я понял, что я уже студент медицинской академии. И я поверил в то, что мудрейший творец создал меня затем, чтобы я был на страже здоровья и боролся с болезнями, поражающими человеческий организм.

Я чувствовал себя уже чуть ли не врачом. Но я ещё не знал, что ждёт меня на пути к получению диплома.

Надо отметить, что из денег, получаемых Воровских, очень много тратилось на оснащение корпусов, ремонты и прочие нужды ВУЗа. А поступить можно и без денег, если ты твёрдо уверен в знаниях.

Глава II

Подготы

Подготы, они же подготовительные курсы, проходили с первого по пятнадцатое июля. Я уже подал документы, написал заявление. А в ожидании вступительных экзаменов не грех сходить куда-нибудь подготовиться.

За две недели до подготов я получил аттестат о полном среднем образовании. Радостно было в душе моей. Во-первых, закончилась десятилетняя каторга, называемая школа; во-вторых, впереди маячило что-то такое далёкое и ещё неизвестное мне. Но в то же время шевелилось внутри чувство непонятной грусти. Грусть эта была об утерянном, навсегда оставленном на школьной скамье, куда мне уже нет возврата.

Итак, июль, день первый. Толпа людей набилась в аудиторию. Жарко, душно, нечем дышать, иные абитуриенты, видно, никогда не пользовались дезодорантом.

В восемь утра, похрамывая, заходит лектор. Профессор дядя Женя Баралгин, матушка его лет за восемьдесят, маленькая сторбленная старушка, обладала светлейшим умом и памятью. На занятиях и экзаменах она сидела с лупой, достойной самого Холмса, в которую видно, наверное, даже микробов.

– Здравствуйте, ребята! – сказал дядя Женя. – Уже который год я веду подготовительные курсы по химии, я заведующий кафедрой биоорганической и биологической химии. Итак, начнём...

Баралгин в моём представлении был типичный американский профессор. Жутко рассеянный, одевающийся во вполне свободную одежду, никаких тебе костюмов троек. Его дипломат был предметом рассказов и легенд – огромный баул коричневой кожи. Почти все студенты любили Баралгина и называли его ласково дядя Женя.

Лекции по химии и биологии тянулись долго и нудно. Надо отметить, что ни в одной из этих дисциплин я не показывал отличных знаний.

И вот настал час русского языка. В аудиторию медленно зашла полоумная старуха, лет восьмидесяти. Что мы у неё только не вытворяли: везде летели самолётики, звуки мобил орала, разрывая динамики. Однажды поставили звук оргазма, и бабка жалобно попросила перестать мучить котёнка. Натянутый на микрофон презерватив бабка приняла за жвачку. Мы, зелёная абитура, жестоко доставали пожилую женщину.

Там, на подготах, я познакомился с массой будущих студентов. Многих потом отчислили. Но были и те, которые не поступили.

Человек может сострадать лишь тогда, когда имеет то, чего нет у других. Поэтому мне было искренне жаль тех, кого не приняли. Но если бы я не стал тогда студентом, наверное, я бы испытывал только одно чувство – зависть.

Глава III

Вступительные экзамены

Первым экзаменом была химия. Перед зданием академии столпился народ, чтобы занять очередь, некоторые родители ночевали в машинах. О, глупые русские люди, почему-то думают они, что первым достаются лучшие куски. Я не суетился. В восемь часов спокойненько стоял на массивном крыльце, ожидая приглашения внутрь. Я был предпоследним, за мной только один паренёк с совсем не мужской внешностью и противным бабским голосом. Передо мною толпа людей, желающих стать студентами. Кто-то уже выбегал с радостным криком, иные рыдали. Смех и слезы гремели и текли. Я ждал, потягивая бутылку пепси. Со мной на скамейке сидел паренёк Володя, армянин, отличник учёбы. Очень умный, воспитанный и приятный собеседник. Несмотря на золотую медаль, ему поставили четвёрку, завалили.

Делать было нечего, часто бегал к бабушке за два квартала. Но пробил и мой час. Был вытянут билет. Я сидел в кабинете с двумя экзаменаторами. Один – вышеупомянутая бабушка Баралгина, другой – доцент с кафедры общей химии Токина.

В открытое окно раздались звуки похоронного марша, страх сдавил мне сердце. И почему-то подумалось на миг, что всё, я не поступил. Вопросы

билета были для меня темнее черного леса. Я не знал ничего, не мог решить даже задачу.

Сел я к Токиной. Рядом сидел пацанёнок и отвечал старушке. Отвечал смутно, можно сказать, вообще не отвечал. Бабуля диктовала ему ответ, ручка скрипела. Токина назвала мою фамилию и заглянула в какой-то список. К своему счастью я там был. Сие решило мою судьбу. Ответ был записан мной со слов доброй тетеньки доцента. Пятёрка окрылила меня. Радостный вылетел я из дверей, воздух обнял меня, встрепав гриву непокорных волос. Счастье прокатилось по всему телу. Так я (человек, который в химии знал лишь название некоторых химических элементов, да и то не всех) получил отлично. Ломоносов говорил: «медик без довольного познания химии быть не может».

И была потом биология. Ну, это уже много проще. Сюда я шёл со спокойной душой и легким сердцем. Снова две тётки экзаменаторы, которые трясутся, заглядывая в список блатных абитуриентов. Оглядываются по сторонам, но всё же заглядывают. И ставят мне четверку, в вопросе о плазматических мембранах я знал лишь одно слово полупроницаемые. Пятёрку по списку ректора не ставят. Воровских, старый лис, хитёр и осторожен. На время экзаменов уехал куда-то за кордон, так что всё чисто, не подкопаешься.

Сочинение – отдельная песня, старая маразматичка всё время пугала нас словами «списать нельзя, мы всё видим». Шпору я брал с собой одну, тема «Почему я хочу стать врачом». Вся она была скачана из интернета, и такие же шпаргалки с таким же текстом имела ещё половина поступающих. Старуха за моё особо хорошее поведение гарантировала мне провал экзамена по русскому языку. Но великий и могучий ректор во много раз сильнее и могущественнее, чем старая выжавшая из ума галоша. Оценка по сочинению была четвёркой. Полностью списанный материал со множеством ошибок был принят на ура. И в августе месяце я прочитал о своём зачислении на первый курс лечебного факультета. Да здравствует академия.

Глава IV

Лекционка

Лекционная неделя похожа на подготы. Толпа новоиспечённых студюзов еще не совсем понимает куда и зачем она припёрлась. Всё отлично здесь от школы.

И началось. Время потянулось лекцией за лекцией, долгие часы за пюпитром, мозоли от ручки на пальцах. Я писал, и писал, сколько не писал прежде. Не конспектировал я одну лишь физкультуру, ибо не был дружен с ней всегда.

Мы все одеты в белые халаты, на наших головах колпаки, и сами мы под колпаком. Все они пытаются схватит нас за горло, перекрыть кислород. Мы здесь никто. Нас бьют и пинают жестоко.

Первый лектор Раскольников, профессор кафедры нормальной анатомии. Мне говорили, что он болен раком кожи, не знаю насколько это правдиво. Он с легкостью выгоняет не только тех, кто забыл халат, но даже и тех, кто без чепчиков. Речь его не понятна, он глотает слова, везде приплетает цитаты левых поэтов. Простой человек, выбившийся в учёные, везде кичится он своей образованностью. Вдобавок ещё проректор по науке. Сын его хирург в областной больнице, другой не связал себя с медициной.

Латынь: чёрная жесткая женщина читает нам лекцию. Она была завкафедрой ин-яза пока её не сместили за взятки (на место её поставили другую – Пеньчук), но из жалости оставили в должности ассистента. Не беря в руки микрофон, она кричит лекцию. На парах это не препод, а пороховая бочка. Невоспитанная, может она и унижить, и накричать на человека. Я слышал, как кричала она на студентов, что вылезли они из помойки. Черная, злая как змея, возвышалась она над трибуной.

Баралгина встретили радостно. Знакомый фэйс, добрый доктор Баралгин. Однажды он забыл по рассеянности свой дипломат неизвестно где, а внутри документы и две флэшки с важной информацией. Правда, потом дипломат, слава богу, нашёлся.

Физрук. Завкафедрой с фамилией известного актёра, странный дядя, одетый в черный до пят кожаный плащ и в шутовскую шляпу. О, как говорил он о том, что является кандидатом педагогических наук, аж слюною захлебывался. Я вообще никогда не ходил на физкультуру, всегда платил взятки. И взятки эти с удовольствием брали. Вёл у меня правда другой. Старик со спортивной фигурой. Я видел-то его раз восемь за всё мою жизнь, за всё то время, пока была физкультура. Владимир Ильич, он даже похож был на Ленина, только старше раза в четыре. Вот чем он действительно был хорош, так тем, что с ним всегда можно было договориться.

Завкафедрой общей химией старая маразматическая бабка. Говорят, прямо в день экзамена её сбил автобус. Только батик, на который она опиралась, когда хромала, напоминал об этом. Многие студенты сокрушались, что для неё авария обошлась благополучно.

Лекционка, я даже не пропустил ни одной лекции. Хорошее время, счастливые дни, радость жизни бьёт фонтаном. И началось. Профессор Раскольников дал нам задание, продал методичку.

Здесь позволю некоторое отступление, методички это узаконенная форма вытягивания денег из студентов. В этих пособиях часто вставляются никому не нужные схемы, материалы. Каждый преподаватель старается всучить побольше методичек. Главное здесь, как и везде во всём мире - деньги. Есть один писака Семён Семёнович Сильверстов, тот понаписал книжек столько, что всю академию можно неделю топить.

Первым заданием было выучить семьдесят пять латинских слов, запомнить их перевод и уяснить основные части скелета.

И было практическое занятие по анатомии.

Глава V

Анатомия

Я видел свою группу лишь третий раз. Слабая зрительная память сыграла свою роль: я сел за стол к параллельной группе. Мы занимались вместе с ними, правда потом я все-таки отсел. Было необычно и как-то страшновато. Приплёлся преподаватель, молодой вальяжный и небритый Шатлов. Похожий на турецкого султана, сутулый, он явно давно не занимался спортом. Как впоследствии оказалось, свободное время проводил он за компьютером.

А свободного времени было у него в достатке. Шатлов типичный представитель молодого поколения преподавателей. Говоря простонародно обычный пофигист. С утра заскочит на минутку к нам и отпускает в свободное плавание. Остальные группы сидят, разбирают и разбирают, вникают, читают, препарируют. А нам пофигу. Мы не паримся. Только в конце контрольная на десять минут.

Но я учил. Вначале. Внутренний пофигизм развивается только через месяца два учёбы. И на первом же занятии я схватил парашу (студенческое название двойки), несмотря на то что полночи были проведены за учебником.

Нас повели по кафедре. На одной стене был прибит стенд. Там за стеклом стояла банка, а в банке сердце. Сердце в формалине. Сердце профессора Потасова. Говорят, это был человек маленького роста, и прозвище среди студентов имел «розовый поросёнок». Не знаю правда или ложь, но слухи есть, что однажды в Москве с конгресса анатомов увезли старика прямо в дурдом. К концу жизни профессор совсем поругался с головой и изъявил последнее желание: сердце своё завещал он кафедре. Ну ладно, что взять со старого человека, к тому же обремененного маразмом. Но Раскольников тоже товарищ с пулей в голове, взял и выполнил эту просьбу. И стоит теперь в банке и не бьётся сердце профессора Потасова.

Дальше мы зашли в музей, музей уродливых трупов. Там в стеклянных сосудах стоят жертвы алкоголя и наркотиков. Смотрят на нас стеклянными глазами. Шатлов показал нам два лёгких. Одно человека ведущего здоровый образ жизни, другое курильщика. Одно было черным как уголь, другое розовым как профессор Потасов. После знакомый хирург молодого возраста говорил мне, что он черное лёгкое лично красил тушью. Ах, да Шатлов. Ай да сукин сын, ну ладно обмануть школьников, но студентов, которым быть врачами. По-моему, это глупо.

Вообще-то тема курения особая. Раскольников даже фельдшеров здоровых дядей лет под тридцать заставлял мести тротуары. Курить приходилось из-под полы, озираясь по сторонам. Правда только в самом начале, потом борзость и самоуважение победили. И курили все в открытую на крыльце.

Анатомия. Как много с ней связано. Я буду возвращаться к этой теме снова и снова. Правда, первый год ничего особенного не происходило. Как

получал зачеты я опишу отдельно. Экзамен вообще целая песня. Немного скажу в будущем про лекции и даже про один концерт.

Напоследок один случай. Студент курсом старше нас сидел на лекции по анатомии. Тяжёлая колонка с высоты нескольких метров упала ему на голову. Слава богу, все закончилось благополучно. Раскольников потом рассказывал нам это как анекдот. Да, имея дело с трупами, становишься циничным.

Глава VI

Серёга

Была химия общая. В своей группе был я, ещё один пацаненок и восемь особ женского пола. Тогда к нам зашёл Серёга. Почему-то он не понравился мне сначала. Мы уже немного сформировались как коллектив, и он казался мне лишним, чужим и ненужным. После мы выпили не один лир водки и пива вместе, пропустили не один десяток занятий. Да и вообще более близкого человека по духу не было для меня во всей академии.

Серёга был раздолбай. Он уже успел проучиться год, отчислиться и восстановиться к нам на курс. Соли мы съели с ним не меньше чем по десять пудов. Пофигист он был страшный, но был у него один талант – чувствовать опасность и предвидеть нехорошие истории. Чем он это чуял для меня загадка.

С Серёгой связано у меня много. И самое главное, что он мне дал – информацию. Год, который он провёл здесь прежде, дал ему бесценное преимущество. У него был опыт, и опытом этим делился он со мною охотно. Много из того, что здесь написано, написано со слов Серёги.

Серёга был весёлый и пьющий товарищ. Было, правда, у него одно невезение. Все старые препода не любили его. Когда у нас вела старушка Баралгина – вот мы с ним попадали! Серёгу отчислили снова, так как ему не удалось сдать экзамен по анатомии. Но память о нём жива.

Единственный студент, которого чуть не выгнали из-за общего ухода. Поверь, мы помним тебя.

Глава VII

Квазим

Вы смотрели американские фильмы, в которых есть сатана? Тогда вы представляете, как выглядит Квазим. Лысый череп, элегантный костюм, ухоженные руки, спортивная осанка, высокий рост. Что-то в нём было действительно от дьявола. Номер его телефона оканчивался на 666-13. Станный человек. И шутки его были очень своеобразными. О нём ходило множество легенд, поговаривали даже, что на ночь он ложится в формалин, и поэтому так хорошо выглядит.

Квазим доцент кафедры анатомии, в будущем доктор наук и профессор, наверное. Но я почему-то верю в то, что сие не за горами.

Говорят, занимается он каратэ. И однажды перед экзаменом трое студентов пошли его бить. Дескать, всё равно завалит. Но Квазим не лыком шит. И всех отходил так, что они долго плевали зубы и кровь. На следующий день двое на экзамен забили (мол, что там делать), а один взял да пошёл. Вот ему Квазим четвёрочку в зачётку и оформил – за смелость!

На занятиях он как чёрт долбит студентов. К примеру, сидит девушка в колпаке одноразовом. Квазим уже видит в ней жертву и как паук тянется к ней, чтобы сплести паутину.

– Скажи, дорогая, – спрашивает он с улыбкой, – вот ты этот колпак сколько раз используешь? – Несколько, – отвечает несчастная. – А если бы твой парень несколько раз пользовался презервативом, ты была бы рада? Аудитория смеётся. Смеётся нехорошо, жестко. Квазим такой человек очень жестокий, очевидно с проблемами сексуального характера. Все разговоры у него сводятся к штанам, а вернее к тому, что в этих штанах.

Он замещал занятия в нашей группе несколько раз. Разыгрывали сценку о заражении паренька венерическим заболеванием от одногруппницы.

Квазим построил выгодный бизнес, он рубит капусту на экзаменах. Есть установленные таксы. И очень даже не слабые. Стоимость тройки равняется примерно стоимости нового компьютера.

Лекции наполнены пошлостью, грязью. Но в то же время лектор он отменный, всегда может дать именно то, что нужно практическому врачу.

Кстати, говорят, что он имеет свой секс-шоп через реку в дружеском Китае. Другие утверждают, что в России. Точно не знаю.

Глава VIII

Альберт

Альберт учился со мной в параллельной группе. Не знаю как приняли его, как он прошёл психиатра? Хотя на первый взгляд он производит впечатление умного воспитанного человека в очках с толстыми линзами. Однажды я читал старый справочник по психиатрии и натолкнулся на описание больного кататонической формой шизофрении, там описывался наш Альберт.

Занятие по Анатомии проходило так. Мы сидим смеёмся, веселимся, шутим и разговариваем. Альберт ходит вокруг стола из нержавеющей стали, наматывает круг за кругом. Потом падает на табуретку и сидит, сидит уставившись в одну точку. Частенько он подходил к стенке и бился об неё головой.

Зачёт по Анатомии. Шатлов сидит и ведёт опрос, Альберт в приступе безумного смеха падает на пол, катается по полу. Смех разбирает его всего, изнутри и снаружи.

Многие говорили, что он придуряется, косит под шизика, чтобы ему из жалости ставили зачёты и экзамены. Вскоре я понял что это не так. Личность эта, безусловно, неординарная. Далеко не глупый, даже с задатками гения. Но вот что страшно – разве можно доверить ему человеческую жизнь, позволить решать судьбу человека? Его не отчислили, и он будет врачом. Бедные пациенты, ни один преподаватель не проявил жесткость и не указал Альберту на дверь.

Глава IX Мразь

Мразь – это англичанка. Англичанка – это мразь. В лице имеет что-то общее с Ксюшей Собчак. Скорее всего на конкурсе двойников заняла бы второе место. Естественно после лошади. Мразь – сектантка. Лживая, белозубая улыбка приросла к лошадиной морде. Иногда мне кажется - вот сейчас начнёт глаголить она о грядущем конце света и призывать нас проследовать за ней в царствие небесное.

Размер груди – колеблющейся. Очевидно, то подложит, то отложит. Бедная моя многострадальная группа, как не повезло тебе с твоим куратором. Мразь я не решаюсь назвать даже человеком, и есть тому у меня все основания. Отсутствие элементарных добродетелей прослеживается во всей её сущности. Никакой доброты, даже частицы отзывчивости. Зато в больших количествах сочетаются в ней лицемерие, подлость и природная глупость.

А теперь только факты. Мой одноклассник пропустил занятие. Объяснил ей, что, дескать, мучился желудком, и вся секция в общежитии тоже страдала. Далее вызывают его к завкафедрой. Англичанка, добрая душа, говорит прямым текстом: «А однажды он не пришёл на занятие. И сообщает мне: я не пришел, потому что я по пути обосрался и вся наша секция обосралась». Красный как помидор, после позора перед всей кафедрой вылетел он из двери.

Было такое дело: пробив зачёт по левой теме, я оставил ей в преподавательской маленький презент – стандартный набор. И вот на следующий день прямо в коридоре Мразь давай совать мне обратно пакетик. Дескать, я взятку не беру. Не берёшь-то не бери, но зачем при всех-то.

Правда, говорили люди, нет на свете зверя лютей неудовлетворённой женщины. Очевидно, причина её зверств в сексуальных проблемах. Добавим ещё то, что, похоже, в детстве в школе росла она забитым ребёнком.

Тётя достойная работы в гестапо. Мы твоя группа желаем тебе всего наихудшего. Наверное, все, кроме старосты.

Глава X

Студенты

Я бы разделил всех студентов, учащихся в академии, на три категории. Первая это ботаники, они же зубрилы, этим людям обычно идут любые очки. Цель их учёбы – сама учёба. Учёба ради учёбы. Обычно эти люди подвергались гонениям со стороны одноклассников и поэтому имеют безобразную сущность. Серые забитые мыши, порою становиться их даже жалко.

Ярким представителем ботанического сада являются моя староста и её подруга Каланча. Только факты. Бог есть на свете. Оба эти экземпляра произошли в один и тот же день. И вот представьте: день рождения. Птички поют, столько мест, где можно встретить новый год жизни, выпить бутылочку шампанского, посидеть с друзьями. Но нет. Эти ботаны идут в читальный зал учить один из самых халявных предметов – политологию. Староста учит, учит и учит. Рассказывает, будто читает, потом заснёт, проснется среди ночи и мучится совестью. И снова берётся за книжку. Будущий профессор Горбункова. Горбункова очень ответственная, эта тварь отмечает в листках посещения пропуск, даже если пропустил пол-лекции.

Среди ботаников много красных. Но не все. Красные бывают в любой среде, и в любой среде бывают люди с моральными принципами.

Кстати, нельзя ставить знак равенства между студентом, учащимся на «отлично», и ботаником. Ботаник это тот, кто превыше всего в жизни своей ставит учёбу. Отличник может уделять учёбе времени достаточно, чтобы получать пятерки, и не делать из разгрызания гранита культа.

Другая категория – средний студент.

2007 год (неоконченное)